

Секция «Актуальные вопросы современного международного права»

Правовые позиции, установленные Европейским судом по делам крупных российских корпораций, влияющие на понимание секторальных ограничительных мер ЕС

Научный руководитель – Гландин Сергей Викторович

Афанасьев Евгений Геннадьевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра международного права, Москва, Россия

E-mail: asafer15@hotmail.com

В рамках правопорядка Европейского союза Совет ЕС, руководствуясь статьями 29, 31 Договора о Европейском союзе (далее - ДЕС) [1] и статьей 215 Договора о функционировании Европейского союза (далее - ДФЕС) [2], вводит односторонние ограничительные меры, в том числе такую разновидность санкций как секторальные. Эта разновидность ограничительных мер ЕС является малоизученной, поэтому огромный интерес представляют правовые позиции Суда ЕС по российским секторальным делам, которые позволяют по-новому взглянуть на этот феномен.

Секторальные санкции из-за действий России по дестабилизации ситуации на Украине были введены в действие 31 июля 2014 года Решением Совета ЕС 2014/512 [3] и Регламентом ЕС 833/2014 [4] и впоследствии в них неоднократно вносились изменения. Причиной введения секторальных ограничений стали крушение *Boeing 777* и ухудшение конфликта на юго-востоке Украины, за которыми, по мнению Европейского союза, виднелся российский след. В этой связи Совет ЕС решил воздействовать на поведение России посредством ограничения важных отраслей экономики. Это то, что отличает секторальные санкции от всеобъемлющих и адресных санкций. Они затронули банковский, нефтяной, оборонный сектора экономики России. Под ограничения попали Алмаз-Антей, ВТБ, Газпромнефть, концерн Калашников, Сбербанк и многие другие российские юридические лица, а также их иностранные дочерние предприятия.

Руководствуясь статьями 263, 275 ДФЕС, восемь юридических лиц обратились в Суд ЕС общей юрисдикции, после чего еще трое из них обжаловали решения первой инстанции. Кроме того, Роснефть обращалась в Высокий суд Лондона, который в порядке преюдициального запроса передал дело в Большую Палату. Ни один из заявителей не преуспел в оспаривании правомерности отраслевых ограничений, однако правовые позиции, выведенные Судом ЕС по делам российских корпораций, углубили понимание секторальных санкций ЕС. В силу принципа *res judicata* и преюдициальности правовые позиции будут обязательны в дальнейшей практике юрисдикционного органа.

На основе решений по обозначенным делам можно сделать теоретические выводы о режиме секторальных санкций ЕС [5]:

1. Секторальные ограничительные меры являются правомерными. Они не нуждаются в одобрении со стороны Совета Безопасности ООН. Кроме того, они автономны, поскольку могут вводиться не в продолжение международных санкций;

2. Секторальные ограничительные меры не направлены против конкретных физических и юридических лиц. Их задача - повлиять на значимые отрасли экономики, чтобы сделать невыгодным для государства-адресата продолжение его незаконных, по мнению Союза, действий;

3. Секторальные ограничительные меры - это временный инструмент, который перестает применяться по достижении цели. В свою очередь, цель таких ограничений, в соответствии со статьей 21 ДЕС, должна быть публично значимой;

4. Совет ЕС обладает широкой свободой усмотрения при введении санкций, а также адресатов ограничений. В частности, ограничения в отношении предприятий, принадлежащих более чем на 50% государству, способствуют достижению целей введенных ограничительных мер и не являются явно неуместным. Аналогичное было сказано про дочерние предприятия лиц, включенных в санкционный список. При этом не имеет правового значения непричастность лиц, включенных в секторальный список, к проводимой политике государства, чье поведение ЕС пытается изменить;

5. Презумпция знания оснований введения ограничительных мер в отношении предприятий, принадлежащих государству более чем на 50%. Кроме того, адресаты секторальных санкций ЕС, исходя из международно-политического контекста, в состоянии понять причины и обоснование ограничений;

6. Несоразмерность секторальных санкций будет установлена лишь в случае их явного несоответствия преследуемой цели. Совет ЕС должен доказать лишь разумную возможность изменения поведения государства при введении ограничений;

7. Право собственности, свобода ведения предпринимательской деятельности, право на эффективную судебную защиту и доступ к правосудию и другие права заявителей не нарушаются введением секторальных ограничительных мер, если соблюден ряд условий;

8. Юридические лица вправе оспаривать секторальные санкции в Суд ЕС. При этом он в вопросе судебного контроля за санкционной политикой ограничиваются проверкой соблюдения процедуры, надлежащего мотивирования ограничения, соответствия решения фактическим обстоятельствам, а также отсутствием превышения полномочий;

9. Секторальные санкции имеют негативные последствия для лиц, внесенных в санкционный список. Подобная ситуация правомерна в силу достижения публично значимых целей, предусмотренных статьей 21 ДЕС;

10. Отсутствие четкого положения в международном договоре о возможности введения секторальных санкций не препятствует их принятию с учетом первичного права Европейского союза.

Таким образом, обозначенные правовые позиции обязательны, чтобы правильно понимать феномен секторальных ограничительных мер ЕС.

Источники и литература

- 1) Договор о Европейском Союзе (ОJ С 326, 26.10.2012, P. 13–390)
- 2) Договор о функционировании Европейского Союза (ОJ С 326, 26.10.2012, P. 47–390)
- 3) Решение Совета ЕС 2014/512/CFSP от 31 июля 2014 года (ОJ L 229, 31.7.2014, P. 13–17)
- 4) Регламент Совета ЕС 833/2014 от 31 июля 2014 года (ОJ L 229, 31.7.2014, P. 1–11)
- 5) См.: Case C-72/15 PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and others. Judgment of 28 March 2017., Case T-515/15 Almaz-Antey v Council, T-715/14 Rosneft and Others v Council, T-732/14 Sberbank of Russia v Council, T-734/14 VTB Bank v Council, T-737/14 Vnesheconombank v Council, T-739/14 PSC Prominvestbank v Council, T-798/14 DenizBank v Council. Judgments of 13 September 2018., C-729/18 P VTB Bank v Council, C-731/18 P Vnesheconombank v Council. Judgments of 25 June 2020., C-732/18 P Rosneft e.a v Council. Judgment of 17 September 2020